

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА: ОТ ИДЕИ РАВЕНСТВА
К НОВОМУ НЕРАВЕНСТВУ¹

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием социальной структуры советского общества. Она получила отражение в Конституции 1936 г., где зафиксировано наличие двух классов трудящихся – рабочих и крестьян. Дополнительно, как «прослойка», выделялась интеллигенция. Трехчленная структура была результатом целенаправленного конструирования, в котором были задействованы механизмы правового регулирования, определявшие статус социальных групп, а также социального инжиниринга (пропаганда, воспитание, искусство, литература и проч.), направленные на перестройку сознания и формирование новой идентичности. Особое внимание в статье уделено таким механизмам конструирования как декреты советской власти и кино. Кинематограф интересен также тем, что, выполняя заказ власти и конструируя новую реальность, он запечатлел реальные процессы, протекавшие в обществе.

Ключевые слова: структура советского общества; социальный инжиниринг; механизмы социального конструирования; равенство; неравенство.

Ранняя советская история (1917–1930-е гг.) представляет собой уникальный опыт социального проектирования, нацеленного на построение нового общества. Оно было ориентировано на реализацию определенных принципов, среди которых особое место отводилось понятиям *свободы, равенства и справедливости*. Эти принципы приобрели символические смыслы и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

составили основу советской мифологии, были включены в тексты советских конституций в качестве базовых правовых категорий.

Ступенькой к созданию нового идеального мира стало формирование общественного порядка, получившего название «диктатура пролетариата» – общества, где неравенство сохранялось, но оправдывалось тем, что должно было служить благородной цели созданию общества «равных». Государство диктатуры пролетариата породило новую систему неравенства, основанную не на собственности и богатстве, а на бюрократических принципах приближенности к власти. Новое неравенство имело бинарную структуру, в соответствии с которой общество делилось на «лучших» и «остальных» («вождей» и «народные массы»). Такая структура отличалась простотой, устойчивостью и одновременно внутренней динамикой, поскольку социальное наполнение новой системы неравенства менялось, как и отношения между новыми стратами.

При анализе процессов социальных трансформаций в раннесоветском обществе особый интерес представляет изучение факторов и механизмов формирования новой социальной идентичности: «перековки» пролетариев в рабочий класс, крестьян – в колхозников, мещан – в служащих, «выходцев из народа» – в социалистическую интеллигенцию, а также оценка соответствия целей и результатов конструирования.

Самым сложным делом в этом грандиозном проекте была не столько реструктуризация российского общества, отмеченного печатью сословности и классового неравенства, сколько перестройка сознания, а вернее, его перекодировка. Бывшие рабы должны были почувствовать себя хозяевами, а господа признать свое равенство с пролетариями и крестьянством. Идея равенства владела умами и стала основой новой советской идентичности.

Между тем равенство оставалось мечтой, а неравенство – реальностью. Неравенство – естественное состояние общества, которое проявляется не только в противостоянии социальных групп, но и в половозрастном, физиче-

ском, национальном, интеллектуальном разнообразии, имеющем свойство организовываться в иерархические структуры.

Социальное неравенство есть результат влияния как объективных/естественных факторов (экономических, социокультурных, гендерных и проч.), так и субъективных, конструируемых идеологией, религией или политикой. Естественные факторы неравенства первичны, субъективные – вторичны, однако в определенных условиях они способны взять на себя функции конструирования социальной структуры общества и тогда становятся источником новых форм неравенства, зачастую замаскированными под идеи равенства.

Особенностью становления раннесоветского общества было доминирование идеологических факторов, в частности утопических представлений о коммунизме, которые частично совпадали с модернизационными трендами, но частично противоречили им. Это непосредственно проявилось в социальной политике советской власти: ее политические усилия были направлены на преодоление и нивелирование естественных факторов неравенства при правовом и идеологическом конструировании новой системы социальной неравенства и обосновании ее.

Равенство как задача социального конструирования

Основные черты коммунистического общества – новой социальной системы, отличной от буржуазной – нашли отражение в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина [См.: Маркс, Энгельс; Маркс; Ленин, Государство и революция; Ленин, Основные задачи; Ленин, Задачи союзов молодежи]. В частности, В. И. Ленин по этому поводу писал:

«Великое значение имеет борьба пролетариата за равенство и лозунг равенства, если правильно понимать его в смысле уничтожения классов. Но демократия означает только формальное равенство. И тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества по отношению к владению средствами производства, т.е. равенства труда, равенства заработной платы, пред человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т. е. к осуществлению правила: "каж-

дый по способностям, каждому по потребностям”» [Ленин, Государство и революция, с. 99].

В лозунге равенства причудливо переплелись общинные настроения и архетипы, философские теории и политические концепции, объективно способствуя множественности коннотаций и интерпретаций рассматриваемого понятия. Можно выделить несколько основных источников формирования общественных представлений о равенстве:

- *религия*. Первоначально, в первобытном и древнем обществе, религия обосновывала и освящала сложившиеся системы социального неравенства. В мировых религиях, в частности, в христианской доктрине, равенство становится одним из базовых религиозных принципов, закрепленных в Библии и других священных текстах; оно наделяется особым смыслом и понимается через отношение Бога к людям («перед Богом все равны»). Религиозные корни этих представлений особенно глубоки и формируют на уровне подсознания коды, проявляющиеся в религиозных ересь и утопиях;

- *философия*. Наука, в отличие от религии, пыталась осмыслить тезис равенства и постоянно обращалась к нему в попытках найти социальный смысл и идентифицировать его как желаемую реальность. В античной философии равенство интерпретировалось в контексте существовавшей в то время социальной стратификации, где оно допускалось в рамках сословия при сохранении неравенства между ними ("*Suum cuique*"). В период средневековья преобладающей стала религиозная точка зрения: признавалось равенство людей перед Богом с сохранением сословных различий на земле. Эпохи Возрождения и Просвещения расширили социальный контекст понятия, введя в его интерпретации, во-первых, тезис о природном равенстве людей; а во-вторых, дополнив его представлениями о справедливости («каждому по делам его»);

- *политическая теория и практика*. В эпоху буржуазных революций принципы «свободы, равенства и братства» стали основными лозунгами борьбы с феодальным наследием и получили дальнейшее развитие в про-

граммах политических партий нового времени – либеральных, социал-демократических и коммунистических. В политическом контексте тезис равенства предполагал доступность гражданских прав и свобод для всех категорий граждан и трактовался одними как равенство возможностей (формальное равенство), а другими, в том числе марксистами, как равенство в распределении благ (дистрибутивное равенство) [Социальное равенство];

- *право*. Идея равенства перед законом стала основополагающей в концепции гражданского общества и правового государства и была непосредственно связана с буржуазной модернизацией. Вместе с тем, придание рассматриваемому понятию правовых коннотаций опиралось в большей степени на представления о справедливости и было связано с отказом от идеи равенства возможностей, т.е. защищало экономическое неравенство.

История изучения идеи равенства получила продолжение в XX веке, породившем множество теорий неравенства, которые можно условно разделить на две группы [Полякова, Шкаратан]:

1) концепции, которые отстаивали неравенство как естественный способ жизни общества. К ним относились теории функционализма (Э. Дюркгейм, К. Дэвис, В. Мур), теория статусных групп М. Вебера и др.;

2) концепции, в которых утверждается возможность социального равенства и уничтожения или сведения к минимуму экономического неравенства путем социальных революций или реформ. К ним относятся теория К. Маркса, различные социал-демократические теории (демократический, этический, кооперативный социализм и т.д.), теории «социального государства».

Особое место в социологических теориях отводилось вопросу о соотношении принципов равенства и свободы, поскольку они противоречат друг другу: равенство ограничивает свободу, свобода, в свою очередь, разрушает равенство. По данному вопросу в либеральных теориях существует несколько точек зрения: одни выступают за совместимость свободы и равенства при условии соблюдения принципа справедливости (Дж. Роулз); другие отстаивают приоритет свободы над равенством (Ф. Хайек, М. Фридман, А. Токвиль

и др.). За приоритет равенства над свободой, причем не только формального правового, но и фактического, выступали радикальные направления социал-демократии, в том числе марксисты [Федотова].

Таким образом, будучи лозунгом буржуазных революций, идея равенства прочно утвердилась в общественном сознании и политическом дискурсе начала XX века, но была очень эклектичной и порождала неизбежное столкновение религиозно-этических и рационально-правовых смыслов.

В России начала XX века представления о равенстве имели свои особенности и отражали не столько правовые, сколько экономические и/или религиозно-моральные идеи. Они опирались на общинный идеал имущественного равенства, реализующий принципы уравнительности и коллективности, и предполагали возможность достижения социального равенства путем экономических преобразований, а также через самосовершенствование и/или воспитание.

Возможность создания общества «равных» было весьма распространенной иллюзией того времени. В частности, П. А. Сорокин считал, что в обществе будущего всем будет обеспечена полнота прав и социальных благ:

«Социализм, основным элементом которого является принцип равенства, не должен и не может ограничиваться требованием одного экономического равенства (равное распределение экономических, имущественных благ) потому, что тогда он означал бы учение половинчатое, не требующее равного распределения самых ценных видов социального блага. Разве благо знания или благо добра стоит меньше, чем экономическое благо и имущественная обеспеченность?» [Сорокин, с. 41-42].

Нельзя сказать, что эта иллюзия была всеобщей. Еще в 1875 г. Ф. Энгельс писал в письме к А. Бебелю: «Представление о социалистическом обществе, как о царстве равенства, есть одностороннее французское представление, связанное со старым лозунгом “свободы, равенства и братства”» [Энгельс, с. 30].

В 1922 г. российский историк и публицист И. Бикерман отмечал:

«...Равенство есть совершенно невероятное состояние общества ...неравенство, наоборот, может осуществиться бесчисленными путями и воплотиться в бесчисленных формах. Отсюда явно, что воздействие, направленное к уничтожению неравенства, долж-

но быть всесторонне, всепроникающе. *Иначе говоря, власть, призванная оказать это воздействие, должна быть властью всеобъемлющей, всеведущей и всемогущей.* И уже тут мы наталкиваемся на неустранимую антиномию. Нет большего неравенства, чем между *властвующими и подвластными*, власть по самой природе своей есть привилегия...» [Бикерман, с. 52].

Предсказание о том, что достижение равенства возможно только в условиях тотального влияния и насильственного воздействия власти на общество, впоследствии подтвердилось историческим опытом строительства социализма в России. Лозунг равенства в советском проекте имел несомненный приоритет перед принципом свободы, поскольку соответствовал не только ожиданиям масс, но и подкреплялся марксистской теорией. Его реализация рассматривалась как первоочередная задача советской власти. Вместе с тем, представления о равенстве в раннесоветском обществе, как в партийно-советских структурах, так и на обыденном уровне, носили достаточно эклектичный характер, вбирая весь спектр мнений, сформировавшихся в российском обществе к началу XX века.

Механизмы конструирования новой социальной структуры раннесоветского общества

В марксистской теории *пролетарская революция* была призвана разрушить старый мир и построить новое общество, основанное на принципах равенства и свободы, где не будет эксплуатации человека человеком. Эта задача была сформулирована в Манифесте Коммунистической партии [Маркс, Энгельс], а позднее заявлена в программных документах многих партий, в том числе в Программе Российской социал-демократической партии, принятой в 1903 г., где говорилось:

«Заменяя частную собственность на средства производства и обращения общественной и вводя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, *социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы* и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою» [Программа].

В своих представлениях о будущем марксисты отталкивались от тезиса разделения общества на эксплуататорские классы (капиталисты, помещики) и эксплуатируемые классы (рабочий класс, крестьяне), выделяя в качестве главного фактора социальной дифференциации собственность на средства производства. Социальная структура общества, таким образом, рассматривалась ими как производное от экономических отношений, поэтому первоначально задача ликвидации неравенства воспринималась как задача экономическая: при ликвидации причины неравенства – частной собственности на средства производства – исчезнет деление на классы. Результатом этих усилий виделось «создание ассоциации, в которой “свободное развитие каждого является условием свободного развития всех”» [Маркс, Энгельс, с. 447]. В качестве первичной ячейки такого общества выступала уже не семья – оплот частной собственности, а «коллектив», определявший производственно-потребительские статусы населения и новую социальную идентичность.

Программа большевиков по достижению равенства включала преимущественно организационно-законодательные задачи: во-первых, уничтожение частной собственности на средства производства; во-вторых, введение контроля над производством и распределением; в-третьих, преодоление классовых различий *путем уничтожения «деления на классы»*. Первые две задачи можно было решить, используя механизмы легитимации и институализации, что впоследствии продемонстрировала Советская власть, начав «экспроприацию экспроприаторов» сразу же, в первые месяцы после Октября. Что касается последней, третьей задачи, сформулированной радикально, но абстрактно, то она предполагала не только юридическое и/или физическое уничтожение эксплуататорских классов, но и формирование новой идентичности победившего пролетариата. Этой цели можно было достичь только с подключением более тонких механизмов социального инжиниринга – типизации и хабиитуализации [см.: Бергер, Лукман], вторгаясь в повседневность и меняя массовое сознание. Немаловажную роль в этом процессе перестройки сознания играло понятие «воспитание», в которое большевики вкладывали

более глубокие смыслы, нежели просто утверждение новых этических норм. Воспитание предполагало перестройку личности, изменение системы ценностей и перекодировку сознания в символах коммунистической веры.

Реализация основных пунктов Программы-максимум РСДРП началась сразу же, с первых дней установления советской власти. Основным инструментом конструирования нового общества стала законотворческая деятельность, связанная с принятием законодательных актов, особое место среди которых отводилось декретам. Они стали символом новой власти, демонстрируя преемственность гуманистических идей Великой Французской революции и противопоставляя себя имперской правовой системе.

Декреты советской власти представляют собой уникальное правовое явление. Они выполняли не только законодательные функции, но и выступали средством информирования, агитации и пропаганды, управления и мотивации, формируя новую правовую среду, государственную систему, а также социальную структуру общества. Раскрывая роль декретов в реализации задач строительства нового общества, В. И. Ленин писал:

«Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов. В результате было завоевание того громадного доверия, которое мы имели и имеем в народных массах. Это было время, это была полоса, которая была необходима в начале революции, без этого мы бы не стали во главе революционной волны, а стали бы плестись в хвосте. Без этого не было бы к нам доверия всех рабочих и крестьян, которые хотели построить жизнь на новых основах» [Ленин, Великий почин, с. 111].

Таким образом, большевики создали новый многофункциональный агитационно-правовой канал, который позволял осуществлять преобразования в стране, пока еще неподконтрольной новой власти. Только в первые месяцы, с 25 октября 1917 по 15 марта 1918 года, было принято в общей сложности 343 законодательных акта СНК, ВЦИК и Съездов Советов, что свидетельствует о небывало высокой интенсивности законотворчества. С точки зрения социального конструирования наибольшее значение имели декреты и постановления об упразднении старых министерств, судов, армии, о борьбе с саботажем буржуазии и чиновничества, роспуске контрреволюционных пар-

тий и организаций. Декреты в экономической сфере способствовали оформлению нового экономического статуса социальных групп, от лица которых выступала советская власть – рабочих, солдат, крестьян и казаков. Среди них декреты об организации рабочего контроля над производством и распределением продуктов, национализации банков, крупных промышленных предприятий, торгового флота и др. [Декреты].

Все законодательные акты в той или иной степени решали задачи социального конструирования нового общества, но среди них выделяются те, которые были непосредственно направлены на поддержку и «перезаформирование» классов рабочих и крестьян, уничтожение буржуазии, старого чиновничества и помещиков.

11 (24) ноября 1917 г. был принят Декрет ВЦИК и СНК, в котором провозглашалось упразднение всех сословий, сословных привилегий и ограничений. Для всего населения России декрет устанавливал звание *гражданина Российской Республики*, легализуя тем самым принцип формального равенства [Декреты, с. 71–73]. Его дополнил Декрет от 16(29) декабря об уравнении всех военнослужащих в правах и упразднении всех воинских чинов и званий [Декреты, с. 242–243].

Закрепление принципов равенства в качестве основного направления социальной политики связано с принятием 12 (25) января 1918 г. Третьим Всероссийским Съездом Советов Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа. В ней были указаны цели социальных преобразований – уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, а также пути их достижения (подавление эксплуататоров; установление социалистической организации общества; победа социализма во всех странах). В документе прописана и конкретная система мероприятий (программа), направленная на достижение дистрибутивного равенства [Декреты, с. 342–343]:

- 1) социализация земли;

2) введение рабочего контроля, а в перспективе – переход всех заводов, фабрик, рудников, железных дорог и прочих средств производства в собственность республики;

3) национализация банков;

4) введение всеобщей трудовой повинности;

5) разоружение имущих классов и вооружение трудящихся.

В качестве важнейшего условия достижения равенства выдвигался тезис «диктатуры пролетариата», предполагавший введение ограничений прав для социальных групп – противников революции и использование инструментов насилия (экспроприация, принуждение, уничтожение) во имя интересов революции. Таким образом, параллельно с декларацией социального равенства формируется система политического неравенства, основанная на идее насилия большинства над меньшинством.

В дальнейшем, уже имея за плечами опыт государственного управления первых послереволюционных лет, разработки политики «военного коммунизма» и ведения гражданской войны, власть стала воспринимать задачу достижения равенства как более сложную. Создание общества равных стало рассматриваться в стратегическом плане как отдаленная перспектива, связанная со строительством и развитием социалистического общества и переходом к коммунизму. В этой связи В. И. Ленин писал:

«Уничтожить классы - значит не только прогнать помещиков и капиталистов - это мы сравнительно легко сделали – это значит также уничтожить мелких товаропроизводителей, а их нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой» [Ленин, Детская болезнь, с. 27].

Таким образом, задачи экспроприации и уничтожения эксплуататорских классов, дополнялись мероприятиями по воспитанию, пропаганде и агитации. Но и этого было недостаточно, т.к. оставались еще естественные факторы неравенства, которые тоже нужно было преодолеть. В своей брошюре «Великий почин» В. И. Ленин подчеркивал:

«Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо *уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда*. Это - дело очень долгое» [Ленин, Великий почин, с. 15].

В результате, одним из направлений борьбы с неравенством в 1920-е гг., становится «учение, организация и воспитание» молодежи, и вместе с ними всех – крестьян, рабочих, интеллигенции. Функции воспитателя принимает на себя партия – носитель особой коммунистической нравственности, которую Ленин связывал с непримиримым отношением к «прошлому, отжившему, чуждому» [Ленин, Задачи, с. 311].

Так задачи уничтожения неравенства и создания общества «равных» в начале 1920-х гг. из законодательной и экономической области постепенно перемещаются в идеологическую плоскость и становятся доминантами для агитации и пропаганды, а также для всех направлений и сфер деятельности, связанных с конструированием «нового человека» – просвещения, воспитания, литературы, искусства, науки, архитектуры и проч.

Этапы конструирования социальной структуры советского общества

Конструирование новой социальной структуры включает три этапа, различавшиеся подходами к моделированию социальной стратификации: революционная эпоха (1918–1923 гг.); переходная/нэповская эпоха, связанная с существованием многоукладной экономики и наличием элементов идеологического плюрализма (1924–1929 гг.); сталинская эпоха (1930-е гг.), когда оформление новой социальной структуры было в целом завершено в законодательно-правовом отношении.

Революционная эпоха характеризуется крушением старой сословно-классовой структуры городского общества, его маргинализацией, потерей социальной идентичности. Крестьяне пострадали в меньшей степени, поскольку их условия жизни и уклад существенно не изменились. Особенностью революционного этапа стало установление формального равенства, ис-

ключавшего сословные различия, и попытка достижения дистрибутивного равенства через ликвидацию частной собственности, отмену товарно-денежного обращения и введение уравнительного распределения. Разрушение старой сословно-классовой структуры общества и формирование общества «равных» осуществлялось преимущественно силовыми методами, к числу которых относилась «красногвардейская атака на капитал», политика экспроприации, а также красный террор. Одновременно была разработана система правовых ограничений для категорий населения, которые могут нанести «ущерб революции».

Эта противоречивая ситуация, связанная с формированием новой системы неравенства, нашла отражение в первой Конституции, принятой V Всероссийским съездом советов в 1918 г., где в ст. 22 был декларирован принцип равенства [Конституция РСФСР, 1918]. А в следующей 23 статье заявлено о введении ограничений в правах отдельных групп, «которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции». Их перечень уточняется в ст. 65 – это «лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; лица, живущие на нетрудовой доход; частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления» [Кукушкин, Чистяков, с. 246, 257]. Перечисленные категории лиц были подтверждены позднее Конституцией РСФСР 1925 г. [Конституция РСФСР, 1925] и просуществовали вплоть до 1936 г.

Таким образом, в основу нового неравенства на уровне правовых актов был положен принцип *служения революции*, разделивший общество на два лагеря – защитников революции и ее врагов. Такое деление временно нарушило все социальные связи и идентичности, приведя к социальному хаосу и

оставив в качестве условных ориентиров только ментальные конструкции «свой» / «чужой». Это наиболее радикальный вариант социального неравенства, поскольку он дает моральное право физически уничтожать несогласных, и форматирует сознание и комплексы как «победителей», так и «побежденных».

После окончания Гражданской войны, в мирных условиях восстановления экономики и социальных структур возникла потребность в преодолении раскола общества. Отношение к революции сохраняло свое значение как идентификационный критерий, но приобрело ритуальный характер.

Переход от политики уничтожения «чужих» к политике их ограничения и перевоспитания способствовал частичной реставрации традиционных схем неравенства (экономического, правового, социального) и перекодировки «чужих» в «социально чуждых», рассматриваемых как часть советского общества, требующая внимания со стороны власти и общественных организаций и усилий по перевоспитанию. С этой целью агитационно-пропагандистская машина стала использовать идеологему «хозяин» – переходную ментальную конструкцию, связанную с изменением психотипа основной массы населения Советской России – рабочих и крестьян.

Идеологема «хозяин» – основной стержень социальной иерархии общества второй половины 1920-х гг., который был сконструирован властью и поддерживался массовым сознанием². Он соединял старую и новую традиции поведения, поднимал на новый уровень те социальные группы, которые не имели собственности прежде и в условиях национализации средств производства приобрели на нее формальные права (в первую очередь, рабочие и крестьяне), тем самым поддерживая представления об обществе «равенства». Одновременно понятие «хозяин» примиряло с новой политической реальностью те категории населения, которые обладали собственностью прежде и

² Ее значение сохранялось и в 1930-е гг. Достаточно вспомнить знаменитые строчки из песни о Родине, прозвучавшей в фильме «Цирк» (1936): «От Москвы до самых до окраин/ С южных гор до северных морей
Человек проходит, как **хозяин**,/ Необъятной Родины своей».

надеялись сохранить ее в перспективе (мелкие предприниматели, торговцы, крестьяне, домовладельцы).

Особенностью новой стратификации было то, что она, помимо естественных схем социального неравенства, включала политико-идеологические и нравственные критерии. «Хозяева» – это те, кто работают, строят коммунизм; «не-хозяева» – кто пьют, лодырничают, погрязли в мещанстве и эгоизме, т.е. мешают строить новое общество. Вертикальная мобильность опиралась на механизмы воспитания чувства Хозяина и приобщения к процессам управления через включение в общественные движения и организации – профсоюзы, комсомол, женсоветы, общество рационализаторов, военно-спортивные организации и проч. Таким образом, деление раннесоветского общества на «хозяев» и «не-хозяев» приобретало двойной смысл: нравственно-этический и конкретно-деятельностный.

Именно такой социализм, где все хозяева, был воплощением ленинских представлений о равенстве. Он считал, что для достижения социального равенства людей необходимо «поставить всех граждан в одинаковое положение по отношению к средствам производства всего общества» [Ленин, Либеральный профессор, с. 363]. Это станет возможным, «если всё общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством оплаты», а «все граждане становятся *служащими и рабочими* одного всенародного государственного “синдиката”» [Ленин, Государство и революция, с. 101].

Однако эта переходная социальная конструкция не вполне соответствовала требованиям власти. Общество, где все его члены – хозяева, неуправляемо. Поэтому его постепенно вытесняет понятие «трудящиеся», которое в 1930-е гг. становится основной идеологемой, получившей правовой статус и вобравшей в себя представления о единстве, равенстве.

Потребность в перекодировке была вызвана тем, что в условиях формирования жесткой вертикали власти необходимо было закрепить за партийными структурами и институтами право на управление обществом. Решение этой задачи связано со следующим этапом социального конструирования, ко-

гда утверждается принцип деления общества на «лучших» и «остальных» / «вождей» и «массы». *Новая система неравенства* представлена в фильме А. Роома «Строгий юноша», снятого в 1936 г. Он транслирует новый взгляд на социалистическое общество: «Социализм – это неравенство. ... Уравниловки быть не должно... Равенство – это застой...» – говорит главный герой фильма. «Есть лучшие – это вожди и творцы мысли, науки, искусства, и остальные – серые люди, их много...». Обычный человек может стать «лучшим», но для этого нужно стремиться к этому, подражать и равняться на них, стать самому вождем или творцом.

Итогом социального конструирования в *сталинскую эпоху* стало моделирование упрощенной трехчленной структуры общества, включающей два класса трудящихся – это рабочие и крестьяне-колхозники, а также интеллигенцию – особую социальную группу, именуемую в учебниках по историческому материализму «прослойкой» [Исторический материализм, с. 402]. Она объединяла представителей умственного труда и искусства, а также инженеров, врачей, учителей.

Эта привычная конструкция требует уточнения. В Конституции СССР 1936 г. говорится о структуре советского общества в 2-х вариантах: СССР – это государство *рабочих и крестьян* [Конституция, 1936, ст. 1], но вся власть принадлежит *трудящимся города и деревни* в лице Советов депутатов трудящихся [Конституция, 1936, ст. 3]. Интеллигенция в Конституции не упоминается. Ее образ конструируется в идеологических текстах, в частности в учебниках по историческому материализму и в Кратком курсе истории ВКП(б), где она рассматривается как особая социальная группа, «всеми своими корнями связанная с народом, с рабочим классом и крестьянством. [История, с. 328–329; Исторический материализм, с. 402–403].

Объединяющим для всех категорий населения СССР выступает понятие «трудящиеся», которое соотносится с новыми представлениями о «равенстве». Их сформулировал И. Сталин в своем докладе XVII съезду партии: «Под равенством марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и

быта, а уничтожение классов, т. е. а) равное освобождение всех трудящихся от эксплуатации после того, как капиталисты свергнуты и экспроприированы; б) равную отмену для всех частной собственности на средства производства после того, как они переданы в собственность всего общества; в) *равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их труду* (социалистическое общество); г) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и *равное право всех трудящихся получать за это по их потребностям* (коммунистическое общество)» [Сталин, с. 355].

Таким образом, в новой социальной структуре, несмотря на декларацию формального равенства, закрепленного Конституцией СССР 1936 г. [Конституция СССР, 1936, ст. 122, 123, 135], были заложены сразу несколько видов неравенства: межгрупповое (различие общественных статусов рабочего класса и крестьян) и внутригрупповое («лучшие» / «массы»), причем внутригрупповое неравенство на практике оказалось более значимым фактором, дифференцирующим советское общество.

Официально социальную иерархию возглавлял класс рабочих, который имел статус «передового», «руководящего», «гегемона». Такая маркировка соответствовала партийной идеологии и опиралась на труды классиков марксизма-ленинизма. Рабочие составляли социальную опору нового строя, со временем превратившись и в самую массовую социальную группу.

Крестьянство (колхозники) в советской социальной структуре занимало самую нижнюю ступеньку. Будучи наиболее угнетенным сословием имперского общества, крестьянство оставалось самым эксплуатируемым и обделенным классом (в социально-правовом, экономическом, материальном отношении) в СССР. Вплоть до принятия Конституции 1936 г. крестьянство было ограничено в избирательных правах, поскольку их представительство при выборах на всероссийские и всесоюзные съезды Советов было в 5 раз ниже по сравнению с рабочими [Исторический материализм, с. 370]. Неравенство распространялось на социальные гарантии для крестьян (пенсионное обеспечение), а после проведения коллективизации – на уровень доходов и потребление. Неравенство стало психологической доминантой новой иден-

тичности крестьянства и нашло отражение в социальном феномене «колхозник», историческая судьба которого была неразрывно связана с процессами раскрестьянивания и активного социального транзита в другие социальные статусы.

Интеллигенция заняла промежуточное положение не только между новыми социалистическими классами, но и «лучшими» и «остальными». Для нее на протяжении всех лет советской власти была характерна социальная неопределенность, размытость статусов, в том числе в профессиональном отношении. Достаточно сказать, что в кадровых справочниках, кадровой документации и системе учета Наркомата труда, т.е. в управленческой сфере, понятие интеллигенции отсутствовало, для обозначения людей творческих профессий, а также лиц, занимающихся умственным трудом, использовалось понятие «служащие», объединявшее всех не-рабочих и не-крестьян.

Попав изначально в категорию «чужие» и «бывшие», служащие, подвергались социальной дискриминации, в том числе при распределении социальных благ. Особенно тяжело приходилось провинциальным учителям и врачам – самой многочисленной группе служащих, для которой было характерно зависимое положение и низкий уровень жизни. Низкие зарплаты компенсировались для некоторой части служащих, входящей в структуры власти, спецпайками и системой привилегий.

Ситуация начинает меняться в 1930-е гг. – времени формирования новой «социалистической интеллигенции» – поколения молодежи, выросшего при советской власти и принявшего ее ценности. Интересен конструируемый идеальный тип новой интеллигенции – это образованный, талантливый специалист, решительный и непримиримый борец со всем старым и отжившим, не имеющий сомнений и особой деликатности в отношениях с людьми.

Несмотря на наличие различных классов и групп советское общество в социальном отношении оценивалось как «единое», не имеющее антагонистических противоречий. Однородность социальной структуры социалистического общества обозначалась термином «морально-политическое единство»,

оплотом и гарантом которого выступала Коммунистическая партия [Исторический материализм, с. 404–411].

В коммунистической перспективе различия между классами должны были исчезнуть. Рабочие должны были инкорпорировать все остальные классы и социальные группы, но по-разному: крестьяне-колхозники должны были исчезнуть вместе с кооперативной формой собственности и «стиранием граней между городом и деревней»; а интеллигенция «сблизиться» с рабочим классом, благодаря сглаживанию различий между физическим и умственным трудом.

В официальную структуру нового общества не были включены *военные и представители силовых структур, а также партийная и хозяйственная номенклатура*: они находились вне социальных страт и составили категорию «лучших». В этом специфика советской модели. «Лучшие» формировали образ власти, характерной чертой которого была связь с народом. Эта идея стала основой советского мифа власти: все его герои – партийные, государственные деятели, военачальники – это выходцы из народа и носители его нравственности. Мифологизация и канонизация образа партийного и советского руководителя – мудрого и принципиального, знающего, что хорошо и что плохо – стала одной из центральных задач искусства сталинского времени, в том числе художественного кино.

Таким образом, оформление новой структуры общества в целом завершилось к концу 1930-х гг., закрепив в качестве ведущей силы коммунистическую партию и партийные органы, а также созданную ею номенклатурную систему, пронизывающую и контролирующую все общество.

Советский кинематограф как отражение процессов социальной реконструкции и инструмент социального конструирования

Заметная роль в социальном конструировании отводилась образованию, науке, искусству, воздействующим на сознание человека, его память, мировоззрение. Необходимо было сформировать в массовом сознании образ

«лучших»), провести его социальную идентификацию и закрепить на уровне эмоционально-оценочного восприятия реакцию на социальные типы «рабочего», «крестьянина», «интеллигента», «служащего», «партийного работника», «военного» и проч.

Пропаганда и агитация стали основными инструментами социального конструирования, подчинив себе все информационные каналы – печать, радио, кино. Художественному кинематографу с самого начала отводилось особое место в этой борьбе за сознание и душу граждан молодого советского государства. Широкую известность приобрела знаменитая фраза В. И. Ленина «Из всех искусств для нас важнейшим является кино», ставшая лозунгом и одним из мифов советского кинематографа [Болтянский, с. 19], поскольку она была вырвана из контекста беседы Ленина с А. Луначарским³. Тем не менее, она показывает, что сила влияния «живых картинок» на неискушенного зрителя очень хорошо осознавалась властью и стала активно использоваться для реализации целей строительства нового общества.

Говоря о роли кино в конструировании сознания советского человека, следует отметить его сложную природу. Художественные фильмы 1920–1930-х гг. содержат два пласта информации: с одной стороны, социальный заказ власти, в некоторых случаях откровенно агитационного характера⁴. С другой стороны, фильмы отражали окружающую реальность, преломленную через художественные образы, что позволяет нам реконструировать социальные процессы, протекавшие в обществе, в том числе существовавшие модели социального неравенства.

Фильмы, вопреки открыто декларируемой идее равенства, продуцировали образы, которые на подсознательном уровне закрепляли новую систему

³ По мнению ряда исследователей, полный текст фразы звучал следующим образом: «Пока народ безграмотен, из всех искусств важнейшими для нас являются кино и цирк» [Цит. по: Кузнецова, с. 52].

⁴ См., например: «Девушка с коробкой» (реж. Б. Барнет, 1927), снятая по заказу для рекламы облигаций государственного займа, или «Дом на Трубной» (реж. Б. Барнет, 1928) – для рекламы выборов в Моссовет.

неравенства, отражали процессы формирования новых социальных групп, а также трансформацию социальной структуры имперского общества в советскую. В первую очередь, это касалось процессов замещения «элиты» – политической, военной, интеллектуальной, а также изменения статуса «победивших» классов: преобразование пролетариата в рабочий класс, а крестьян – в коммунаров/колхозников. Для реконструкции основных этапов социального конструирования нового общества были привлечены художественные фильмы на «современную» тему.

Революционная эпоха отражена в художественном кинематографе достаточно слабо в силу объективных причин – гражданской войны, экономического кризиса, режима жесткой экономии, непосредственно влиявшего на объемы кинопроизводства. Всего в 1918–1924 гг. на киностудиях РСФСР/СССР было снято более 70 фильмов⁵, из них 24 (32,4%) – это экранизации литературных произведений русской классики; 29 (39,2%) – историко-революционные фильмы, снятые, преимущественно, по событиям гражданской войны и революции; и только 21 фильм был снят на современную тему (около 1/3 от общего числа).

Те немногочисленные фильмы первой половины 1920-х гг., которые сохранились, отражают мир «перевернутый», где все смешалось. Эту особую социальную ситуацию хорошо иллюстрирует фильм «Уплотнение», поставленный по пьесе А. Луначарского в 1918 г. реж. А. Пантелеевым, Д. Пашковским и А. Долиновым. В квартиру профессора в порядке уплотнения из сырого подвала переселяют рабочего с дочерью. Постепенно квартира превращается в «рабочий клуб», где гости – рабочие завода – слушают лекции профессора, а между сыном профессора и дочерью рабочего завязываются романтические отношения, т.е. разрушаются все сословные перегородки, и

⁵ Здесь и далее, если отсутствуют ссылки, расчеты проведены по данным «Энциклопедии кино Кирилла и Мефодия», 2003 [Электронный ресурс], однако эти цифры следует воспринимать как ориентировочные, поскольку полнота базы данных энциклопедии составила по приближенным оценкам примерно 90 – 95% .

коммунальная квартира становится своеобразным символом нового общества, где все вместе и все – равны.

Комедийный фильм «Папиросница из Моссельпрома» (реж. Ю. Желябужский, 1924 г.) воспроизводит уже другую картину, отражающую социальные реалии послевоенной Москвы, в том числе легкость социальных транзитов и неопределенность социальных статусов. Все находится в движении: героиня фильма – лоточница Зина – очень легко из среды уличной торговли перемещается в салоны столичной богемы, становится кинозвездой, затем попадает в окружение американского бизнесмена, который предлагает ей руку и сердце, а впоследствии легко возвращается на улицу к своему прежнему занятию. Высокая социальная мобильность и отсутствие даже формальных проявлений социального неравенства (в одежде, отношениях) характерна и для других героев фильма, в частности героя И. Ильинского – бухгалтера Митюшина, который из любви к девушке уходит со своей работы, чтобы стать сценаристом и режиссером фильма.

Необходимо отметить, что в комедии отражены социальные типы и отношения, выходящие за пределы структур власти. Сам же образ власти, партии или ее институтов в фильме практически отсутствует. Такой подход к репрезентации властных структур типичен для фильмов первой половины 1920-х гг. – партийные органы находятся на периферии сюжета, к ним обращаются в кульминационные моменты для справедливого разрешения конфликта, т.е. они не включены в частную жизнь, как это будет позднее – в фильмах 1930-х гг. Другое дело советские и общественные организации – советы, профсоюзы, комсомол: в фильмах они выполняют функции «доброй феи», помогая героям фильма выпутаться из сложных обстоятельств, показывая пути социального преобразования и открывая возможности социального лифта.

Во второй половине 1920-х гг. ситуация меняется: революционная стихия уступает место устойчивым социальным образам и типам, которые занимают в стратификации раннесоветского общества свое строго определенное

место и получают нравственно-этическую и политическую оценку, во многом соответствующую приговору «быть или не быть». Галерея социальных образов этого времени включает такие типы как «служащий»; «интеллигент»; «рабочий»; «крестьянин», «партийный/профсоюзный руководитель»; «бюрократ»; «нэпман»⁶, «священнослужитель». Каждый тип включает подтипы, пока еще неантагонистичные и сосуществующие. Так, например, крестьянство состоит из бедняков, середняков, кулаков, кооперированных крестьян, коммунаров. В этой галерее социальных образов, создаваемых кинематографом, однозначно негативную коннотацию несут несколько социальных типов – интеллигент, бюрократ и священнослужитель. Они позиционируются как наследие прошлого и препятствие на пути продвижения к социалистической перспективе.

Всего за пять лет (1925–1929 гг.) киностудиями СССР было снято 232 художественных фильма. Причем объемы кинопроизводства ежегодно возрастали, достигнув максимума в 1927 г., когда было выпущено 67 фильмов (29 % от общего количества). Такая динамика свидетельствует об усилении агитационной функции кинематографа, включения его в решение задач воспитания и пропаганды по выполнению планов первой пятилетки, реализации целей индустриализации и коллективизации. Изменилась и структура фильмографии: около половины фильмов (48,3%) было снято на современные темы; 37,1% – на историко-революционные и только 14,7% составляли экранизации литературных произведений, т.е. резко вырос интерес к современности, усилилось его идеологическое влияние и воздействие на зрителя.

Для реконструкции социального облика, определения места и роли той или иной социальной группы в структуре общества второй половины 1920-х гг. важна не только социальная маркировка, но и приобщенность к понятию и функции «хозяин». Данная идеологема имеет сложную структуру и строится

⁶ «Нэпманы» как социальная категория объединяла тех, кто занимался предпринимательской деятельностью в городах, т.е. имел мелкое производство, торговлю, оказывал платные услуги и проч.

на противопоставлении бытовых представлений о «хозяевах жизни» и идеальной конструкции «Хозяин». К хозяевам жизни принадлежат предприниматели-нэпманы, уголовники, держащие в страхе городского обывателя, или бюрократы. Но их сила иллюзорна, они неизбежно теряют свою власть, статус «хозяина», реальными же хозяевами становятся те, кто включается в строительство нового мира.

В фильме «Катка – Бумажный ранет» повествуется о судьбе крестьянской девушки, приехавшей на заработки в город и попавшей под власть уголовного альфонса. Точно и образно показано городское общество периода расцвета нэпа, расколотое на два мира: 1 – обывательский, где на верхней ступени социальной лестницы стоят нэпманы и уголовники; и 2 – «правильный» мир строителей социализма. Сначала он виден в отдельных эпизодах фильма: милиционеры, разгоняющие уличных торговцев, не имеющих лицензии; пионеры, шагающие по улице; рабочие, спешащие на фабрики и заводы. Социальный лифт героини фильма Катки, перемещение с нижней ступеньки социальной лестницы на верхнюю, связан с ее поступлением на фабрику и включением в общий созидательный труд. Интересен образ еще одного героя фильма – бездомного нищего Вадима, доброго, образованного, интеллигентного человека, который под влиянием любви к Катке постепенно превращается из трусливого и слабохарактерного человека в защитника слабых, т.е. преображается. Негативная презентация интеллигенции транслирует отношение к ней как к наследию прошлого, которому нет места в современной жизни.

Несколькими годами позднее в фильме Б. Барнета «Дом на Трубной» (1928) был использован похожий сюжет. Параша приезжает из деревни на заработки и останавливается на квартире у своего знакомого земляка, вскоре попадает в домашние прислуги к парикмахеру, проживающему в этом же доме на первом этаже. Интересен сам образ дома, который можно рассматривать как своеобразный срез городского общества конца 1920-х гг.: здесь живут советские служащие, мелкие нэпманы (все имеют прислугу), в подвале

арендует комнату приехавший из деревни крестьянский парень, работающий шофером, этажом выше живут нэпманы, а еще выше – девушка-делегатка. Переместиться на более высокий этаж Параше помогает профсоюз и участие в выборах в Моссовет.

Среди фильмов, презентующих концепт «хозяина» следует особо выделить картину «Обломок империи» (реж. Ф. Эрмлер, Ф. Никитин, 1929), в основу сюжета которого положена реальная история солдата, потерявшего на войне память в результате контузии. Когда спустя много лет память вернулась, герой оказался в новом мире, где все ему было непонятно и незнакомо, где не было ни хозяев, ни слуг, все были равны.

Процесс вхождения человека в эту новую жизнь и формирование его нового «я» находится в центре внимания создателей фильма. Помощником героя на этом сложном пути становится спасенный им на фронте юноша – комсомолец и профсоюзный активист. Рефреном перерождения личности героя стало переосмысление понятия «хозяин». На вопрос: «Кто здесь хозяин?», он получает ответ: «Все хозяева, кто работает и трудится, пашет землю или водит паровозы». Но есть и «не-хозяева» – это те, кто пьет, лодырничает, кто вместо дела занимается демагогией, погряз в мещанстве и эгоизме, т.е. мешает строить новое общество.

Новым в кинематографе второй половины 1920-х гг. стало возрождение образа «врага». Эта тема актуализируется к 1929 г., когда в советском обществе с особой силой заработала репрессивная машина, прошли открытые судебные процессы против старых специалистов. Создаваемый на экране образ врага вбирает в себя определенные социальные типы (кулак, бывший офицер, помещик, чиновник, священнослужитель, интеллигент), обреченные на уничтожение – это те, кто не вписывается в проект будущего.

Фильмы этого времени (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) в первую очередь направлены на разоблачение бюрократов, кулаков и вредителей (Танька-трактирщица, реж. Б. Светозаров, 1928; Человек с портфелем, реж. Ч. Сабинский 1929; Моя бабушка, реж. К. Микаберидзе, 1929 и др.).

В фильмографии конца 1920-х годов выделяются фильмы, отражающие *преобразование* основных социальных групп (рабочих и крестьян) в социальные классы (Кружева, реж. С. Юткевич, 1928; Старое и новое, реж. С. Эйзенштейн, Г. Александров, 1929 и др.).

Особое внимание в этот период уделялось коллективизации, перевернувшей сельскую Россию и сопоставимой по своему значению с Октябрем. В фильме С. Эйзенштейна с символическим названием «Старое и новое» демонстрация роли коллективизации строится на противопоставлении образа темной, нищей, неграмотной деревни (прошлое и настоящее) образу будущего. Фильм начинается кадрами беспросветной бедности (натурные съемки) и титрами с текстом о «100 миллионах неграмотных, темных, отсталых крестьян», которые пашут на себе, распиливают при дележе имущества избу пополам и не могут на своем клочке земли прокормить детей. Только кулаки (толстые и ленивые) живут в свое удовольствие: постоянно бездельничают, едят и спят». На фоне этих образов разворачивается основной сюжет фильма, повествующий о том, как безлошадная крестьянка Марфа Лапкина организует молочную артель.

Талантливо рассказанная история, эпический стиль картины стали основой социального мифа о темной и нищей деревне, спасти которую сможет только коллективизация и шефская помощь рабочих. В фильме реконструирован сельский мир, социальный портрет которого определяет беднота, а также кулачество. Раскол в сельском обществе может преодолеть только коллективизация, которая защитит бедняка и поможет середняку. В финале картины десятки тракторов пашут артельную землю и за рулем одного из них сидит Марфа.

Советский кинематограф первой половины 1930-х гг. обращен преимущественно к текущим проблемам и событиям. Из 189 фильмов, выпущенных в 1930–1935 гг., 145 (76,7%) были сняты на современную тему, 32 (16,9%) относились к категории историко-революционных и только 12 (6,4%) представляли собой экранизацию классических литературных произведений.

Во всех фильмах этого времени центральной темой было выявление вредителей, врагов и борьба с ними. Социальный портрет общества, как и в годы революции, резко упростился – оно снова разделилось на «своих» и «врагов». Образ врага складывается из нескольких социальных типов – крестьян-кулаков и их пособников (подкулачников), старых специалистов, которые из ненависти к советскому строю становятся вредителями; священнослужителей; бывших белогвардейцев и помещиков, часто иностранцев, которые под видом специалистов приехали на стройки пятилетки.

Мир, расколотый на два противоборствующего лагеря: света и тьмы; добра и зла; своих и врагов, представлен в фильме «Аэроград» (реж. А. Довженко, 1935), снятом в жанре кинопоэмы. Свои – это люди, защищающие и строящие новый мир (летчик, охотники – бывшие партизаны, красноармейцы), враги – это сектанты, китайские шпионы, кулаки, белые офицеры, сбежавшие и затаившиеся в тайге.

События фильма разворачиваются на Дальнем Востоке, который активно осваивался в 1930-е гг. Он показан авторами фильма как мифологическое пространство, где разворачивается смертельная борьба во имя будущего, олицетворением которого выступает город-мечта Аэроград. Все герои фильма подобны былинным героям, но одни – светносные и прекрасные (герои С. Шагайды, С. Столярова), другие – темные и страшные (герои Б. Добронравова, С. Шкурата). Они живут, сражаются и умирают, общаются друг с другом через сотни километров и со зрителем. Каждый лагерь в своей любви и ненависти выглядит единым. И это единство можно рассматривать как основную задачу агитации и пропаганды этого периода. Страна снова превратилась в военный лагерь: нужно было в кратчайшие сроки сделать мощный рывок вперед. И в этой битве за новый мир были оправданы любые жертвы.

Во второй половине 1930-х гг. темпы роста кинопродукции в целом сохранились, в 1936–1940 гг. было снято 180 фильмов, в том числе 99 (55 %) на актуальные темы. Основной задачей кинематографа этого времени является

пропаганда достижений социализма, показ новой жизни, которая «стала лучше и веселее». В фильмах еще присутствуют сюжеты о вредителях и врагах, но одновременно растет число комедий, приключенческих лент, мелодрам. Герои фильмов заметно молодеют, а вся символика кинообразов дышит весной, молодостью, устремленностью в светлое будущее, которое уже здесь, уже на пороге.

Фильмы этого времени вообще наполнены динамикой и постоянно транслируют ситуацию перехода/транзита, в которой оказываются герои фильмов: прислуга превращается в стахановку и депутата Верховного совета (Светлый путь, реж. А. Александров, 1940 г); крестьянка становится председателем колхоза и членом правительства (Член правительства, 1939 г., реж. А. Зархи, И. Хейфиц); письмоносица – композитором (Волга-Волга, реж. А. Александров, 1938). Чаще всего чудесные, почти сказочные превращения случаются с женщинами, социальное неравенство которых подчеркивается гендерной принадлежностью. Изменение статуса мужчин было связано с получением высшего образования или службой в армии, что сразу ставило их на верхнюю ступеньку социальной лестницы.

Для каждой социальной группы предлагаются свои модели вертикальной мобильности, в том числе транзита в категорию «лучших»: для рабочих – это «ударная» работа и образование, которые позволяют простому рабочему стать руководителем, инженером или врачом (Встречный, 1932, реж. Ф. Эрмлер, С. Юткевич, Л. Арнштам); для крестьян – хорошая работа в колхозе, и связанная с этим возможность стать орденоносцем, депутатом, председателем колхоза (Богатая невеста, реж. И. Пырьев, 1937; Трактористы, реж. И. Пырьев, 1939). В некоторых случаях колхозник даже может преодолеть границы своей социальной группы, получив образование и став учителем, агрономом или врачом, но он обязательно возвращается снова в деревню. В целом крестьяне оставались самой замкнутой социальной группой, социальный лифт которой был наиболее коротким и узким.

Заметные трансформации произошли с образом интеллигенции. В фильмах второй половины 1930-х гг. показан процесс формирования новой советской творческой, научной интеллигенции и ее служение обществу (Закон жизни, реж. А. Столпер, Б. Иванов, 1940). Этот образ постепенно замещает слабого, трусливого интеллигента 1920-х гг., который всегда готов предать и навредить. Интеллигенция перемещается на верхние ступени социальной лестницы и вместе с военными, стахановцами и ударниками приближается к элите, но не сливается с ней.

На самом верху социальной лестницы находятся партийные и государственные лидеры, образ которых в фильмах второй половины 1930-х гг. постепенно приобретает евангелистские черты. Большую роль в мифологизации образа партийного руководителя как пламенного борца за идеи коммунизма, готового пожертвовать во имя их своей жизнью, сыграл фильм «Великий гражданин», снятый в 1937–1939 гг. реж. Ф. Эрмлером. Главный герой – Петр Шахов – разоблачает вредителя – директора завода «Красный металлист», который выступает против социалистического соревнования. В конце фильма Петр гибнет от рук врага – финал, напоминающий о трагической гибели С. Кирова. Основное пропагандистское содержание фильма раскрывается в спорах, которые ведет Шахов с Карташовым – лидером троцкистов. На этом акцентировал внимание И. Сталин, призывая создателей фильма «...Дело надо поставить так, чтобы борьба между троцкистами и Советским правительством выглядела бы [...] как борьба двух программ, из которых первая программа соответствует интересам революции и поддерживается народом, а вторая противоречит интересам революции и отвергается народом.» [Записка].

Интересно, что партийная карьера оказалась вне поля зрения кинематографа. В основном она представлена в историко-революционных фильмах биографического характера (Трилогия о Максиме, 1936–1938). Единственный фильм, снятый в 1940 г. (Закон жизни, реж. А. Столпер, Б. Иванов) и затронувший проблему морального облика комсомольского лидера – первого

секретаря обкома ВЛКСМ, – подвергся резкой критике и был запрещен для показа.

В целом, в фильмах конца 1930-х гг. меняется не только иерархия образов, но и номенклатура социальных типов, которых стало меньше. В нее вошли «рабочий», «колхозник», «служащий», «интеллигент», «ответственный работник», «военный», «партийный организатор». Все социальные типы, за исключением партийных руководителей и военных, подразделяются на положительных и отрицательных, т.е. предпринимается попытка дифференцировать их по морально-этическому принципу.

С другой стороны, социальная структура советского общества, отраженная кинематографом, становится более разнообразной, приближенной к реальности. Социальное разнообразие героев кинематографа противоречило официальной трехчленной структуре общества и свидетельствует о его более сложной организации.

Выводы

При анализе процессов социального конструирования общества можно выделить несколько противоречий: между идеальными представлениями о цели конструирования (общество равных) и реальной практикой (правовой и пропагандистской), которая направлена на формирование нового неравенства; а также между упрощенной презентацией структуры советского общества в правовых и идеологических текстах и его реальным многообразием и сложной социальной организацией, что нашло отражение в художественных текстах.

Отличие советской системы от «естественных» моделей неравенства (гендерных, возрастных, экономических и проч.) состоит в сознательном и целенаправленном формировании такой социальной среды, которая, во-первых, была бы отличной от традиционного расколотого на антагонистические классы капиталистического общества; и, во-вторых, не оставляла бы

сомнений в превосходстве определенных социальных групп (коммунистов, рабочих), в их моральном праве руководить страной.

Советский народ, как единая, братская трудовая семья народов, рассматривался в качестве основного достижения социалистического строительства, доказательства справедливости и верности идеи коммунизма. Но в реальной жизни равенство оставалось недостижимым идеалом, сохранялось межгрупповое неравенство, которое дополнилось внутригрупповым. Свобода стала жертвой, принесенной во имя достижения равенства. Степень свободы, непосредственно связанная с исполнением властных функций, была основным критерием нового неравенства. «Вожди» и «массы» – вот две социальные страты, определявшие структуру и иерархию раннесоветского общества.

Среди инструментов социального конструирования особо следует выделить законотворчество и репрессивные практики, а также «воспитание». Значительную роль в реализации советского проекта, в том числе в создании образов врага, рабочих и крестьян, интеллигенции, играли медийные технологии – печать, кино, радио, плакаты, воздействующие на сознание с особой силой, благодаря совокупному кодирующему эффекту (образ + слово).

Новая социальная реальность и социальная структура формировалась с использованием механизмов конструирования образа, одобренного властью, с последующим внедрением его в общественное сознание, закреплением в форме мифа. Особая роль в этом процессе отводилась художественному кинематографу, который не только создавал требуемые властью и идеологией образы, но и отражал реальные процессы социальной трансформации, протекавшие в обществе. В результате возникает редкая возможность сравнения конструируемой и отражаемой реальности: первая стремится к упрощению социальной структуры общества в соответствии с мифологемой равенства; вторая демонстрирует разнообразие социальных типов, их динамику и подвижность.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.

Бикерман И. С. Свобода и равенство // Русская мысль. Кн. 8–12. / под ред. П. Струве, Берлин, 1922. С. 45–82.

Болтянский Г. М. Ленин и кино. М.: Л., 1925.

Декреты советской власти. 25 октября 1917–15 марта 1918 г. Т.1. М., 1957.

Записка И. В. Сталина Б. З. Шумяцкому о сценарии кинофильма «Великий гражданин» 27 января 1937 г. // Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы. М., 2005 // Чапаев: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://chapaev.media/articles/2961> (дата обращения 01.09.2017)

Исторический материализм / под ред. Ф. В. Константинова. М., 1951.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1945.

Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // Сайт Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения 01.09.2017)

Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г. // Сайт Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508616/ (дата обращения 01.09.2017)

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г. // Сайт Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL:

http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения 01.09.2017)

Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1987.

Ленин В. И. Либеральный профессор о равенстве // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М., 1973. Т. 24. С. 361–364.

Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М., 1969. Т. 33. С. 1–120.

Ленин В. И. Очередные задачи советской власти // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М., 1974. Т. 36. С. 165–208.

Ленин В. И. Великий почин // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М., 1970. Т. 39. С. 1–29.

Ленин В. И. Задачи союзов молодежи // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М., 1981. Т. 41. С. 298–318.

Ленин В. И. Детская болезнь левизны в коммунизме // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М., 1981. Т. 41. С. 1–104.

Ленин В. И. Политический отчет Центрального комитета РКП(б) 27 марта 1922 года // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М., 1970. Т. 45. С. 69–116.

Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 9–32.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 419–459.

Полякова Н. Л. Теории социального неравенства в социологии XX в. Трансформация классики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 19–43.

Программа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, принятая на втором съезде партии (1903 год). // Agitclub.ru: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agitclub.ru/center/comm/zin/1903project4.htm> (дата обращения 01.09.2017)

Сорокин П. Проблема социального равенства. Пг., 1917.

Социальное равенство // Новейший философский словарь. Минск, 1999. [электронный ресурс]. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/149350/1133/Gricanov_-_Noveiishiii_filosofskiii_slovar%27.html (дата обращения 02.09.2017)

Сталин И. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) // Сталин И. В. Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 282–379.

Федотова В. Г. Равенство социальное // Новая философская энциклопедия. В 4 т. / под ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. М., 2010. Т. III. Н – С. С. 394–395.

Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012

Энгельс Ф. Письмо А. Бебелю // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 1–8.